

Гофман Генрих
Отрывок из повести "Сотрудник гестапо"

Холодный цементный пол подвальной камеры. Небольшая охапка старой пыльной соломы, на которую бросили Леонида Дубровского после допросов в службе безопасности города Алчевска. Тело еще ноет от жестоких побоев. Во рту солоноватый вкус крови. До рассеченной губы больно дотронуться языком. Нестерпимо печет рана, открывшаяся на правой ноге. А тут еще этот неугомонный шепот, словно в потревоженном улье: шелестят голоса людей, разместившихся по углам и вдоль стен мрачной камеры. Они отвлекают, мешают сосредоточиться.

«Неужели конец? Неужели конец?..»

Вспомнились слова капитана Потапова: «Малейшая оплошность и... капут». Перед мысленным взором возникла большая хата особого отдела третьей ударной армии, светлая комната, приспособленная под кабинет, и доброе, улыбочное лицо капитана. В ушах прозвучал его мягкий, ласковый голос: «Леонид, на твою долю выпало ответственное и очень опасное задание. Тебе придется работать за линией фронта. Необходимо установить наличие вражеских разведорганов в Кадиевке и Артемовске. Командование располагает сведениями, что именно там готовятся вражеские агенты для засылки на нашу сторону. Постарайся внедриться в один из этих органов. Будешь выявлять немецкую агентуру: и ту, что заброшена к нам, и ту, которая только готовится. Теперь, после уничтожения армии Паулюса, наше новое наступление не за горами. Впереди Донбасс, Луганская область. Еще до прихода туда наша контрразведка должна знать агентуру гестапо и полиции, оставленную немцами при отступлении. Выявляй предателей, фашистских ставленников, бывших военнослужащих Красной армии, перекинувшихся к врагу. Дело это трудное и рискованное. А расплата одна – жизнь. Малейшая оплошность и... капут, как говорят немцы».

Дубровский вспомнил, что при слове «капут» Потапов недвусмысленно провел рукой вокруг шеи. «Малейшая оплошность. Где же я ее допустил? Почему допрос вел сам начальник СД майор Фельдгоф? Почти три часа он с упорством твердил, что я советский разведчик. Но ведь и я с неменьшим упорством отрицал это. А какие у них улики? Улик нет. Может, схватили Пятеркина? Всего девять дней, как мы с ним расстались. Но если Виктор Пятеркин у них, тогда последовала бы очная ставка. Нет, Виктор дошел до Потапова, иначе они бы мне его показали, приперли бы фактами. Так где же оплошность? Надо вспомнить все по порядку».

С Витей Пятеркиным Леонид познакомился в кабинете Потапова. Тот уже находился там, когда Дубровский пришел по вызову капитана. Круглолицый парнишка с узкими раскосыми глазами и вздернутым носом, казалось, робко сидел на краешке стула, едва доставая ногами до выстланного досками пола довольно просторной комнаты. На вид ему было не больше двенадцати лет.

– Вот с ним и пойдешь, – сказал Потапов, поднимаясь из-за стола навстречу Дубровскому. И трудно было понять, к кому относятся эти слова – то ли к

мальчику, который пойдет с Дубровским, то ли к Дубровскому, который пойдет с мальчуганом.

Леонид пожал протянутую капитаном руку и вновь перевел взгляд на мальчишку.

– А выдюжит он? Не скиснет? – спросил Дубровский, рассматривая залатанную, старую куртку и вконец изношенные ботинки на ногах паренька.

– Можешь не сомневаться, – ответил Потапов. – Виктор Пятеркин человек проверенный. Не смотри, что ему только пятнадцать. Он уже был связным у секретаря подпольного обкома. Не раз ходил через линию фронта. И при тебе он будет связным. С ним и присылай донесения. А легенда такая. С тобой – как и договорились. Ты переводчик Чернышковской комендатуры, разыскиваешь свою часть, от которой отстал. Тут никакой липы. Порукой твои настоящие документы. А он, – Потапов кивнул на Пятеркина, – во время отступления потерял родителей. Отец служил полицаем на станции Чир и ушел с немцами, пока Виктор у тетки в соседнем поселке гостил. Вот и пошел он родителя догонять, а по дороге на тебя наткнулся. Если удастся обосноваться, паренька поодаль пристрой. Рядом не держи. Чтоб никаких подозрений.

– Ясно, Владимир Иванович, – улыбнулся Дубровский и, погладив мальчонку по стриженной голове, спросил: – А в каком селе ты у тетки гостил?

– Село Малый Чир, всего шесть километров от станции, – бойко ответил Виктор. И ни тени смущения не было в его голосе, ни один мускул не дрогнул на совсем еще детском лице. А карие глаза пытливо и выжидающе уставились на Дубровского из-под темных бровей.

– Оружие у тебя есть? – спросил Дубровский.

Виктор смерил Леонида настороженным взглядом и вопросительно посмотрел на Потапова.

– Есть у него трофейный «вальтер», – ответил капитан. – Такого мальчика вряд ли немцы обыскивать будут. А если ненароком наткнутся, скажет, нашел в заброшенном окопе. По возрасту с него взятки гладки.

– Что ж, все ясно, Владимир Иванович. Когда прикажете отправляться?

– Завтра у нас двадцать шестое марта. В ночь на двадцать седьмое я вас выведу на передовую. В полночь обеспечим вам переход на ту сторону. А пока пообщайся с Виктором. У вас всего сутки, чтобы привыкнуть друг к другу. Да! Конспиративный псевдоним у него – Иванов. В случае чего не называй его настоящим именем. А у дяди Лени? – спросил капитан у Пятеркина.

– Борисов! – не задумываясь ответил тот. – Что я, беспамятный, что ли?

– Память – дело хорошее, только на той стороне многое забыть придется. Борисова вспомнишь, когда обратно к нашим вернешься. Повтори, что ты должен сказать, когда с нашими солдатами встретишься?

– Я Иванов. Прошу доставить меня в штаб части. А в штабе части попрошу офицера связаться с Соколом и доложить, что прибыл связной от Борисова, – невозмутимо и как бы нехотя ответил Пятеркин.

– Вот так-то, Леонид. Паренек что надо. Береги его пуще глаза, – назидательно проговорил Потапов.

– Постараюсь, Владимир Иванович! – Дубровский встал со скамейки.

Капитан пристально посмотрел на продолговатое лицо Дубровского, на широкий лоб и красивую, волнистую шевелюру. И хоть в глубоко посаженных

черных глазах чувствовалась усталость, взгляд был спокойным и решительным.

Вечер 26 марта 1943 года выдался на редкость дождливым. Словно серой, прокопченной ватой затянуло весь небосвод. Мелкая, въедливая морось нескончаемо сыпалась на освободившуюся от снега землю.

На командном пункте одного из стрелковых полков, державших фронт где-то между Ворошиловградом и Ворошиловском, появился коренастый, среднего роста капитан, за которым, пригнувшись, шагнули в землянку высокий, худощавый парень в шинели гитлеровского солдата и маленький, совсем еще юный хлопец в залатанной куртке и стоптанных ботинках, облепленных комьями черной весенней грязи.

– Капитан Потапов! – представился вошедший поднявшемуся из-за стола майору, на гимнастерке которого сверкал еще новенький, видимо, недавно полученный, орден Красного Знамени.

– А мы вас ждем, – ответил майор. – Я начальник штаба. Командир полка на передовой. Проход на указанном участке разминирован. Прикрытие подготовлено.

– Спасибо! – Капитан пальцами отдернул рукав своего кителя и посмотрел на часы. – Сейчас двадцать часов тридцать две минуты, переход назначен на двадцать два часа. Таким образом, в нашем распоряжении час двадцать восемь минут.